

The background is a warm yellow gradient with several large, stylized orange paw prints scattered across it. The paw prints are simple, with four distinct pads and a central pad.

Анна Яковлева

ОДИНОКИЙ МУЖЧИНА
с
КОШКОЙ

18+

Анна Яковлева

Одинокий мужчина с кошкой

«Автор»

2016

Яковлева А. Я.

Одинокий мужчина с кошкой / А. Я. Яковлева — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-06145-3

Все идет как всегда: Ксения Баркова возвращается с пробежки по парку, пребывает в приятных размышлениях о скором отпуске и о своем близком друге Никеше Рассветове – инструкторе по фитнесу. Встреча с ротвейлером и его хозяином оборачивается для Ксении чередой неприятностей. Кто заступится за одинокую девушку? Кто подставит свое могучее плечо – коллега, которого Ксения терпеть не может, или любимый инструктор по фитнесу?

ISBN 978-5-532-06145-3

© Яковлева А. Я., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Яковлева

Одинокий мужчина с кошкой

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми – случайно.

«... волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком...» (Из пророчества Исаяи).

Глава 1

...В «Глобал-индастри» четверг был подобен взрыву на солнце.

Зашивались сметчики, закрывая подряды, в кабинете главного инженера стоял ор, сопровождающийся выбросами протуберанцев, а под дверью, вжавшись в кресла, ждали очереди зашуганные подрядчики.

Сама не своя, Ксения пронеслась под камерой наружного наблюдения, когда минутная стрелка, вздрогнув, прыгнула на девятку и проглотила ее.

Менеджеры были в сборе, каждый уже деловито отстукивал что-то на клавиатуре, только лупоглазенькая, прозрачная, как папирус, Танечка встретила начальницу испуганным взглядом:

– Ксения Глебовна, вас спрашивал Мишустин, – громким шепотом сообщила она. Перед главным Танечка по неведомой причине цепенела.

Ксения кивнула и шмыгнула в «аквариум», как называли свои просвечивающиеся кабинеты «глобальщики», – она числилась вторым замом в частной строительной фирме.

Приткнув сумку на подоконник, на ходу схватила трубку от внутреннего телефона и набрала приемную.

– Зинаида Алексеевна, здравствуйте, это Баркова. Не знаете, зачем меня искал Александр Иванович?

– Здравствуйтесь, Ксения Глебовна. Здесь Явкин, у него какая-то неразбериха с комплектацией. Или с оборудованием.

С губ Ксении сорвалось проклятье. Снова этот навязший в зубах отдел снабжения.

– Понятно, – процедила она, – а Ерохин там?

– Уже ушел.

– Хорошо, сейчас буду.

Ксения прикрыла веки. Глаза резало, но не от слез (слезы тугим комком стояли в горле) – давление, наверное, подскочило. Пока ехала на работу, старательно рыла в памяти яму и заталкивала в нее утреннее происшествие. Происшествие сопротивлялось, в яме не помещалось, торчало всеми подробностями.

...Утром Ксения Баркова возвращалась с пробежки по парку, пребывая в приятных размышлениях о скором отпуске и о своем близком друге Никеше Рассветове – инструкторе по фитнесу.

Из-за горизонта выползло нестерпимо яркое солнце, к заборам жались густые, насыщенные тени, о чем-то шушукалась молодая листва, ссорились воробьи – начинался обычный июньский день.

Завершив моцион в начале родной улицы Горной, Ксения перешла на расслабленный шаг.

Выравнивая дыхание, перебирала в голове вялые мысли – с Никиты они сами собой переползли на мелкие бытовые заботы.

Ключ в гаражном замке поворачивался туго, и Ксения уже несколько дней стояла перед дилеммой: менять замок или достаточно смазать?

От замка мысли плавно перетекли к работе, и настроение моментально омрачилось. В досаде на себя Ксения даже остановилась.

Последние несколько недель она испытала, как герой Джерома К. Джерома, «отвращение ко всякого рода труду» и желание уволиться. Хотя уволиться – это она погорячилась. Работа пусть остается, а вот одного типа уволить не мешало бы.

Ксения расправила плечи. Неужели она позволит какому-то идиоту испортить себе карьеру?

Здесь она дала себе слово не думать о плохом, наслаждаться последними спокойными минутами раннего утра и копить энергию перед началом рабочего дня.

Слово это Ксении сдержать было не дано.

В тени ограды у дома что-то происходило.

Из кустов, высаженных вдоль кирпичной ограды, летели комья земли, поднимался чудовищный предсмертный вой и писк, в воздухе плыли клочья шерсти, мелко дрожали головки гортензий.

Заражаясь необъяснимым страхом, Ксения побежала сначала трусцой, потом во все лопатки.

Еще не добежав до места, Ксения увидела высокий черный круп с купированным хвостом и перешла на шаг.

Ротвейлер, – вильнула беспомощная мысль. И вот тогда она увидела Левку: у него еще были силы выдираться из пасти огромного, черного бойцовского пса. Ротвейлер тряс kota, как игрушку, ударяя о кирпичный забор.

Ксения что-то выкрикнула, какую-то команду, на которую ротвейлер не отреагировал, и заметалась в поисках палки или камня – чего-нибудь!

Кот уже не сопротивлялся, лапы повисли...

Ксения перестала метаться.

Забор, молодая яблоня на углу соседнего дома, цветник – окружающее отступило куда-то и размылось.

В фокусе зрачка осталась только высокая черная холка чужой собаки и короткий обрубок хвоста.

Преодолев внутреннюю дрожь, Ксения шагнула, наклонилась к ротвейлеру, просунула ладонь между задними лапами и с отчаянной решимостью сжала в кулаке яички.

Что было дальше, Ксения помнила смутно.

Кажется, ротвейлер осел и разжал челюсти. Левка повалился в траву и не шевелился.

Собака с удивлением повернула к Ксении лобастую голову на мощной шее с цепью. Сытый, лоснящийся, будто появившийся из преисподней, зверь.

– Место! – срывающимся голосом выкрикнула Ксения, с ненавистью глядя в желтые немигающие глаза, и в ту же секунду услышала ленивый окрик:

– Крон! Ко мне!

Вальяжной походкой к месту схватки двигался хозяин ротвейлера. Слегка сутулый, худой и невысокий, в черных очках, он, как опричник, был одет во все черное и казался продолжением преисподней.

С ними по соседству – Ксения знала это доподлинно – таких уродов не водилось.

– Ваша собака? – Ксению трясло. Тем же ненавидящим взглядом она пыталась проникнуть под очки и разглядеть в опричнике хоть какие-нибудь признаки – нет, не беспокойства по поводу случившегося – ума!

– И что? – ни один мускул не дрогнул на непроницаемой гадкой роже.

– Почему без намордника? – Вопрос был послан уже вдогонку: поражая сходством, хозяин с собакой тем же неспешным шагом удалялись прочь.

– Сволочь, – прохрипела Ксения, – я тебя засужу.

Не оборачиваясь, «опричник» в знак полного одобрения поднял руку и потряс кулаком: дескать, вперед и с песней.

...Несколько мгновений Ксения сидела, ничего не соображая, потом сделала над собой усилие.

Отдел снабжения был одновременно неудачным ребенком, бедным родственником и позорным пятном на преуспевающей «Глобал-индастри».

Баркова не выносила злого гения, крестного отца хаоса в отделе. Им был племянник Мишустина тридцатилетний Гена Явкин – по глубокому и искреннему убеждению Ксении – отъявленный жулик. Ксения подозревала, что Явкин давно подвизался дилером у поставщиков и делает свой гешефт на процентах с закупок.

Одно имя чего стоило. Ге-на... Тьфу.

Явкин был на два года моложе Ксении Барковой (она специально наводила справки в отделе кадров), но, очевидно, считал второго зама молоденькой дурочкой и в ее присутствии пускал в ход свое обаяние – он так думал. На самом деле это были тупые комплименты, нахальные улыбки и скабрзные намеки. Весь букет производил на Ксению удручающее впечатление, и все, о чем она мечтала, – поймать с поличным и отправить Явкина пылесосить бескрайние снежные ковры под Воркутой.

Ксения диву давалась близорукости главного. Вранье, которое Гена скармливал дядюшке, было топорным и совсем не изобретательным.

Перед тем, как отправиться на ристалище, Ксения зашла в дамскую комнату сделать пару затяжек и приготовиться к неожиданностям – каким-нибудь актам о списании, состряпанном задним числом. И припасть к телефонной трубке, как к источнику благодати. Благодатью являлся голос Никеша.

Зажав сигарету губами, достала из кармана пиджака мобильную трубку, но в последний момент подсознание вильнуло, и вместо того, чтобы позвонить Никите, Ксения набрала подругу Варвару.

Варвара Ива находилась в отпуске по уходу за двухлетним Яшей, и даже короткие разговоры с подругой приводили Ксению в самое благотворное расположение духа.

Кроме ребенка и мужа, Варя воспитывала таксу с оскорбительной для таксы кличкой Мышь. Ксения вполне справедливо полагала, что Варька проникнется ее горем.

– Привет. – Ксения ощутила упадок сил, прислонилась плечом к стене и через пиджак ощутила бодрящий холод кафельной стены.

– Привет, – весело отозвалась подруга, – ты чего такая кислая? Случилось что?

На другом конце провода слышались мирные домашние звуки – Варя с трубкой возле уха суетилась по хозяйству. Горло у Ксении стало саднить.

– День тяжелый.

– Он же только начался, – удивилась Варвара.

– А уже заявил о себе. – Ксения жадно затянулась дымом.

– Что случилось?

Ксения Баркова не была истеричкой, она была скорее сдержанным человеком, но Левка, его истерзанное горло, замята шерсть, предсмертный оскал... Они стояли перед глазами, и все тут...

Внезапно Ксению замутило, она задышала открытым ртом, но справиться с подступающей тошнотой не сумела. Еле успела распахнуть дверку кабинки, свеситься над унитазом, швырнув сигарету в фаянсовое нутро.

Измученная сухими спазмами (так и не смогла заставить себя позавтракать), подошла к умывальнику с большим зеркалом – зеркало отразило чужое лицо с меловыми щеками и опрокинутым взглядом.

Во рту было кисло, глаза щипало – тушь дала течь.

Ксения долго полоскала рот, потом дернула за хвост разовое полотенце, свисающее из держателя, стерла помаду и снова закурила. Пальцы противно дрожали.

– Ксюша, – все это время взывала трубка в кармане, – ты где, Ксюша?

Вспомнив о Варваре, Ксения слабой рукой поднесла телефон к уху:

– У нас Левка погиб.
– Как?! – ахнула подруга, – когда?
– Сегодня утром. – Изображение в зеркальной рамке подернулось рябью и поплыло. Ксения, наконец, заплакала.

– Бедная ты моя. – Варвара уже готова была присоединиться.
– Я не успела его отбить у какого-то ротвейлера, – слизывая с губ слезы, выговорила Ксения. – Не знаю, как сказать об этом маме. Понимаешь, с Левкой она о внуках забыла. – Память снова подсунула картинку: остывающий Левкин взгляд и темное пятно крови под ним.

– Слушай, а как это случилось?
Услышав подробности, Варя высказала предположение:
– Я вот думаю: если он гулял по вашей улице с собакой, значит, живет где-то рядом. Так ведь?

– Да, наверняка. Вечером пойду на разведку. Ротвейлер по кличке Крон – это все-таки не какой-то там сумчатый хомяк. Где-нибудь да вылезет.

Сочувствие в голосе подруги сменилось настороженностью:
– Зачем тебе это? Что ты собираешься делать?
– Я его засужу в память о Левке. – Это было похоже на клятву, данную над могилой друга.
– Может, этот урод того... больной?
– Здоровее нас с тобой, во всяком случае, собака у него не поводыр, а бойцовская.
– Нет, не в этом смысле. Может, он псих какой-нибудь контуженый. Или олигарх.
– Сволочь он, и не важно, чем он занимается и какое у него здоровье.
– Н-да. Может, твой Левка забрал с собой какие-то неприятности. – Варька была повернута на эзотерике.

– Даже наверняка. По крайней мере, при жизни он был настоящим антидепрессантом. Подруги помолчали, Ксения снова затянулась.
– Кошмар, – с чувством выговорила Варя. – Ты с работы звонишь?
– Да.
– Может, тебе лучше отгул взять?
– Шутишь. Меня уже ждут, я тебе звоню по пути на совещание. Буду совещаться с вором, как создать ему условия для воровства.

Было слышно, как Варя вздохнула в трубку:
– А я вот изнываю от скуки. Мы тут поели, покакали и складываем кубики пирамидкой.
– Махнемся не глядя?
– Приезжай в воскресенье. Посидишь пару часов с моими, и тебе на пару лет хватит впечатлений.

Тут послышался требовательный Яшин вопль, и подруги простились.
Затушив сигарету под краном, Ксения сунула телефон в карман и подставила узкую ладонь под дозатор с жидким мылом.

Смыв тушь, выдернула еще одно полотенце, промокнула лицо и посмотрела на себя красными глазами. Зареванная бизнес-вумэн – это сильно, как сказал бы Никита. Самый подходящий вид для совещаний.

Выйдя из дамской комнаты, Ксения взбежала по лестнице на восьмой этаж – в двенадцатиэтажном здании «Глобал-индастри» занимала два этажа.

...В кабинет к главному вошла, полная мрачных предчувствий. Внутренний голос громким шепотом подсказывал, что Гена живым не дастся.

– Здравствуйте, – бросила, входя, Ксения. Получилось несколько воинственно.
На появление второго зама Гена ответил ленивым полуоборотом крупной головы – Явкин вообще был крупным мужчиной.

– Привет.

В атмосфере кабинета разливалась нездоровая таинственность, а в том, как сидели Гена и Александр Иванович, было что-то из старых фильмов о революционном подполье.

Уверенным легким шагом Ксения обошла стол и села по одну сторону с Явкиным – тот выбрал позицию, как снайпер: спиной к окну, чтобы солнечный свет не мешал вести огонь по противнику.

– Что, снова жалоба на снабженцев? – без труда определила Ксения.

Явкин напустил на себя оскорбленный вид:

– Не жалуются на тех, кто ни черта не делает.

Ксения смотрела мимо Явкина.

Александр Иванович не спешил с ответом, рассматривал с интересом своего зама, от которой можно было прикуривать.

– Водички налить? – с участием спросил Явкин. Видимо, внутренним слухом различил треск электрических разрядов вокруг Ксении Глебовны Барковой.

Ксения быстро посмотрела на Явкина и отвела взгляд.

Чтобы не подвергать риску окружающих, принялась с умным видом разглядывать набор на мельхиоровом подносе: шесть сверкающих чистотой хрустальных стаканов и графин с водой. Мишустин был консерватором. Предпочитал старое доброе ретро и блондинок.

– Ксения Глебовна, – прочистив горло, заговорил Мишустин, – Ерохин написал докладную на снабженцев.

Ксения неохотно оторвала взгляд от графина, буркнула:

– Седьмую по счету.

– Что вы сказали?

– По поводу чего на этот раз? – Она проследила за движением исписанного листа от Мишустина к Явкину, от Явкина – к себе.

– По поводу идеалов, – голосом усталого борца за правду сообщил Явкин. – Ерохин же у нас рыцарь без страха и упрека, наверное, умирать будет стоя. – Иногда Гена поражал окружающих знанием литературных и исторических фактов.

В кабинете повисла хрупкая тишина, за которой ощущалось присутствие большого города.

Ксения хотела быстро пробежать глазами записку, но застряла в корявом изложении. Почерк тоже был корявым. С главным инженером Валентином Ерохиным у Ксении только и было общего, что глухая ненависть к царственному племяннику.

– Разберитесь и доложите. – Взгляд Мишустина бродил по бумагам на столе.

– Я свободна? – Рука Ксении скользнула в карман пиджака и ухватилась за телефон, как за наперстный крест.

– Да, конечно. – Александр Иванович посмотрел на своего зама с симпатией. – Что-то вы выглядите сегодня усталой, Ксения Глебовна.

– Голова немного болит.

– Это весна, – заверил шеф.

– Наверное.

Ксения ждала, что Явкин отпустит какую-нибудь колкость, но Гена смолчал, и Ксения не без удивления обнаружила, что тот погрузился в себя.

Это было непривычное состояние для Явкина, и Ксению это позабавило.

Сжимая трубку в одной руке и записку в другой, она спустилась на свой этаж и еще какое-то время не знала, куда деваться от мыслей о Левке, но постепенно сумела-таки отрешиться от утренней драмы и окунуться с головой в работу.

Вечером, по пути домой, Ксения наспех состряпала план под общим тезисом: «ложь во спасение».

Пункт первый: миски. Ожидаящие Левкины миски следовало незаметно прибрать с глаз подальше. Пункт второй: тиражировать истории о кастрированных котах, отсутствующих дома по несколько месяцев – такое, Ксения слышала, случается. Пункт третий: никаких трагических выводов, только оптимистичные прогнозы.

План казался безупречным, пока Ксения не приступила к его осуществлению.

Едва она сложила миски одна в одну, как мама неслышно материализовалась на кухне и поймала дочь за руку:

– Зачем? Куда ты их? Где Левка? Что с ним? Ты что-то знаешь?

Ксения посмотрела прямо в выцветшие мамины глаза, еще недавно бывшие такого же болотного, как у нее самой, цвета:

– Мам, с Левкой что-то случилось. Он слишком привязан к нам, чтобы уйти...

Ксения умолкла, не досказав фразу: надежду в выцветших маминых глазах медленно уносил прилив...

Глава 2

...К концу обеденного перерыва желудок подвело, и Ксения решилась.

На кухне к этому времени осталась только курица под соусом сациви.

Кухарка Дуся, взглянув на второго зама, определила:

– Ксения Глебовна, что-то случилось? На вас лица нет.

Ксения поведала ей свою беду. Тема четвероногих друзей Дусе оказалась не чужда.

– А у меня кошки не приживаются. У меня их было три, и все куда-то девались. Думаю собаку завести. С ней проще. Ее сводил на прогулку на поводке, привел – и дома. Да и потом – муж не любит котов. Мужчины редко к кошкам слабость питают.

«Это точно», – ядовито хмыкнула про себя Ксения. Никеша тоже не питал слабости к котам. Развивать тему она не стала.

– А женщинам, значит, подходят кошки?

– Особенно одиноким, – намекнула Дуся. Она была в курсе семейного положения второго зама и вообще в курсе личной жизни всех членов коллектива.

Взяв порцию, Ксения устроилась за столиком, накрытым клетчатой – синей с белым – скатертью и принюхалась к пряному аромату.

Перед глазами Ксении снова всплыл окровавленный Левка.

Нет, так не пойдет.

Ксения достала мобильный и поискала спасительный номер.

Никита – вот кто ей сейчас нужен. Инструктор по фитнесу с такими бицепсам «одним махом семерых убивахом».

– О! – откликнулась трубка приятным тенором, – привет! Только собирался тебя набрать. Телепатия.

– Действительно. Привет, – скрипучим голосом проговорила Ксения.

– Ты не забыла, что мы вечером с Грэгом и его девушкой идем на открытие клуба?

Какой-то Грэг с каким-то клубом представлялись сейчас Ксении чем-то вроде звезды пятнадцатой величины. Например, Плутон. Никакого отношения к ней, Ксении Барковой, далекий Плутон не имел и иметь не мог, и их орбиты даже теоретически, даже в далекой перспективе не могли соприкоснуться.

– Никеша, ты прости, но я не могу сегодня. Никак.

– Как? Мы же договаривались.

– Нет, извини. На моих глазах сегодня ротвейлер растерзал Левку. – Горло у Ксении перехватило, и только присутствие кухарки Дуси помешало ей расплакаться.

Никита молчал. По большому счету он был свободен от привязанностей к братьям нашим меньшим, а к котам в особенности, и просто не знал, что говорят в подобных случаях.

– Паршиво, – спохватился он.

– Я даже еще маме не сказала. Боюсь говорить. Она его обожала.

– Да? – совсем затосковал Никита.

Тоска Никиты Рассветова не ускользнула от уха Ксении, но она была одержима желанием отыскать ротвейлера по кличке Крон и его хозяина.

– Может, заедешь вечером? – попросила она. – Походишь со мной по парку? Хочу найти этого урда.

С нарастающим сомнением Ксения слушала сосредоточенное сопение Никиты. Кажется, она поставила своего друга в неловкое положение. Или в непривычную ситуацию.

– Солнышко, может, это потерпит? – с надеждой спросил Рассветов.

В душу Ксении закралось гаденькое подозрение, что ее друг оказался не тем, за кого она его принимала – как в песне: «и не друг, и не враг, а так...».

Гордость заставила Ксению изобразить великодушие, которого она не испытывала:

– Конечно, дорогой. Я сама сегодня его поищу.

– Солнышко, зачем это тебе? – в точности, как Варвара, насторожился Никита.

Ксения задушила в себе недостойное сомнение.

– Заявление напишу на хозяина за жестокое обращение с животными. Буду судиться.

В ответ в трубке раздался тихий свист, затем наступила насыщенная эмоциями пауза, и Ксения заподозрила неладное.

– Или ты думаешь, я должна простить ему Левку?

Имя, выбранное в приступе благодарности за любовь, которую Левка дарил, причинило боль.

– Алле, Никита? Ты здесь?

– Да здесь я, здесь, просто задумался. Хорошо, я приеду, – согласился Никита, когда Ксения уже смирилась с отказом.

– Значит, я тебя жду?

– Только не жди от меня чудес, хорошо?

– Ну... то, что ты приедешь, – уже чудо, – пробормотала Ксения. – Могу ужином тебя накормить.

Приглашение само сорвалось с языка, и Ксения от досады закусил губу.

Совместный ужин у нее дома не вписывался в концепцию необременительных отношений. Ужин дома – это переход на следующий уровень игры. На авансцену выводится новое действующее лицо. Называется «те же и мама».

– Да нет, спасибо, я перехвачу где-нибудь по дороге.

В душе у Ксении забил фонтанчик благодарности к Никите.

Они встречались больше трех лет, но Никита у нее дома не бывал. Бывала она у него. На первом этаже хрущевки, в запущенной двушке, доставшейся Никите от тетки. Ухоженный и авантажный, Никита к ремонту относился с отвращением.

Из окна пыльной комнатенки открывался вид на глухой кирпичный забор какого-то особняка с камерами по периметру. То ли в шутку, то ли всерьез Никита называл особняк «конспиративной штаб-квартирой экстремистов».

Встречи проходили на потертом диване, на глазах у всевозможных плакатных культуристов.

– До вечера тогда.

– До вечера, – повторила Ксения.

Разговор с Никитой будто сдвинул с души надгробную плиту. Это было совсем не то облегчение, которое она испытала, излив горе на Варвару. Своим насмешливым тенором Никита будто вдохнул в Ксению уверенность, что зло будет наказано. А как иначе?

Пропихнув в себя курицу, Ксения поблагодарила Дусю за обед и вернулась в кабинет.

Глава 3

...На глазах у окружающих Никита Рассветов просто погибал от жалости к себе.

После развода жалость к себе стала его философией, его жизненным кредо и излюбленным занятием.

После развода Никита Рассветов дал себе клятву не заводить собак, морских свинок и детей, не влюбляться и не жениться. Даже по приговору суда.

Три года он держал клятву, и, как ни парадоксально, это делало его чертовски привлекательным в глазах женщин всех возрастов, национальностей и вероисповедования.

Еще бы: красавчик без вредных привычек, готовый составить компанию в воскресные и праздничные дни, а также по вторникам и четвергам.

Понедельники, среды и пятницы у Рассветова Никиты были подобны намазу: он посвящал их «моделированию фигуры».

Никита уже давно переплюнул кумира одноклассницы Люси (ударение на последнем слоге) Семипаловой – Стива Ривза, легендарного культуриста пятидесятых, с которым, по утверждению Люси, Никитос был просто одно лицо. В подтверждении своих слов Люси пригласила в школу один из номеров «Медведя» в пору его расцвета и предъявила фото Ривза.

Легенда бодибилдинга, несмотря на мышечную массу, самому Никите показался слащавым амурчиком со всеми вытекающими. Никита сделал все, чтобы избавиться от подобного сходства – из соображений безопасности.

Усилия не пропали даром: слащавость быстро облезла с Никиты Рассветова, как и невинность, которую он потерял на пару с Люси.

Женитьба и развод оставили на смазливой физиономии Никиты легкую печать разочарования, и количество жриц, желающих служить новоявленному лорду Байрону, умножилось.

Выбор Никиты пал на преуспевающую Ксению Баркову.

Даже старушка-мать, с которой она жила, из отягчающего обстоятельства превратилось в достоинство. Всем известно: мамы девушек бывают опасны тем, что незаметно оборачиваются тещами. Никите и здесь повезло – любящая дочурка почти никогда не оставалась с ночевкой, спешила домой. И к себе не звала.

Звонок Ксении и просьба выловить в парке какого-то хмыря с собакой раздосадовали Никиту (он очень не любил менять планы), а последовавшее за этим приглашение на ужин вызвало панику. От ужина он отказался сразу, а от патрулирования парка отвертеться не удалось.

Неожиданно уже в баре клуба, куда он заскочил предупредить Грэга, что подъедет позже, идея показалась Никите забавной.

На память даже пришла фильмография короля бодибилдинга Ривза: «Легенда об Энее», «Троянская война», «Сын Спартака», «Последние дни Помпеи»...

В роль героя Никита вошел там же, в баре. Это получилось само – под взглядом синеокого ангелочка.

Глава 4

...Ксения несколько минут барражировала перед центральными воротами парка и не сводила глаз с дороги, откуда должен был появиться «Форд» Никиты.

По земле стелился плотный, чуть горьковатый аромат увядающей сирени, сгущались сумерки.

«Форд» все не появлялся, и Ксения нетерпеливо набрала номер. Не дав ей открыть рот, Никита прокричал: «Подъезжаю!», и связь оборвалась.

Ксения огляделась в раздумье. Старушки с мелкотравчатыми мопсами, той-терьерами и «чихами» уже случались в парке все реже.

Самое время появиться серьезным породам.

Первой опрошенной была хозяйка мраморного бульдога, дама бальзаковского возраста. Она не встречала ротвейлера по кличке Крон.

За дамой потянулись: немецкая овчарка с субтильным молодым человеком на поводке, синеглазая хаски с потным, одышливым дядькой. Никто не слышал ни о злобном ротвейлере по кличке Крон, ни о его злобном хозяине.

Никита подъехал, когда в отдельных закутках парка уже было совсем темно. И выглядел, как на вручении ордена за заслуги перед Отечеством: лакированный туфли, костюм, белая рубашка, в сумерках казавшаяся ослепительной.

Ксения придала себе независимый вид. В джинсах, в куртке-парке и кроссовках она выглядела рядом с красавчиком Никитой его домработницей.

– Ты меня не дождалась? – улыбнулся он подкупающей улыбкой.

– Нет, как видишь.

– Так, может, я тебе не очень и нужен?

– Никеша, я же не заставляю тебя. Если не хотел ехать, сказал бы сразу.

– Не заставляешь. – Он вытянул красивые, лукообразные губы трубочкой и чмокнул Ксению в щеку. – Но просишь.

– Но ты же все равно опоздал.

– Я заехал повидаться с Грэгом.

– Мог ему позвонить.

– Не мог.

Перепалка грозила скатиться в банальную ссору, и это было впервые и так неожиданно, что Ксения захлопнула рот.

– Давай походим еще немного, – примирительно предложила она.

Никита с видом жертвенной овечки вздохнул:

– Давай походим.

Почти час они добросовестно прочесывали парк.

Были опрошены не только все встреченные собачники, но и просто одинокие прохожие, стайки малолеток-подружек, кучки подростков на роликах и воинственные молодые люди в капюшонах, оккупировавшие скамейку.

Никита все время поглядывал на часы и не сумел скрыть радость, когда Ксения убедилась в бесплодности поисков – еще не было одиннадцати, детское время даже для синеоких ангелочков.

– Вот видишь, – тенор Никиты звучал наставительно, – я же говорил – бесполезно. Миллионный город. Он мог приехать из другого района. Или даже из пригорода.

Слова Никиты пробудили в Ксении дух противоречия.

– Скажи еще, с соседней галактики. В будний день утром собак, как правило, выгуливают недалеко от дома, – упрямо повторила она Варины слова, и они снова едва не поссорились.

Впервые прощались с прохладцей, к которой примешивалось обоюдное разочарование.

– Позвони завтра, – коснувшись щеки Ксении беглым поцелуем, попросил Никита.

В свете ночных фонарей взаимное недовольство проступило отчетливой.

– Хорошо. – Она не ответила на поцелуй.

Двигаясь с легкой ленцой, Никита перебежал дорогу, щелкнул пультом сигнализации, сел в авто и посигналил, отъезжая.

Этот режущий ухо сигнал окончательно рассердил Ксению.

– Выпендрейник, – фыркнула она вслед «Форду».

Глава 5

... У Гены Явкина было три слабости: дед Василий, «БМВ» и кошка Матильда.

Все трое Гену утешали.

После разговора в кабинете главного Гена был безутешен.

Ни «БМВ», ни Матильда, ни дед Василий не помогли, и Гене захотелось напиться в стельку.

Напиться, забыться и выбросить из головы язву Баркову. Этот ее взгляд всезнайки и задаваки. Отличницы, перфекционистки. Воображали.

В школе таким темную устраивали. Так бы ее и...

Гена затруднялся сформулировать, что именно он мечтал сделать с Барковой.

Почему-то хотелось взять второго зама за плечи, прижать к стенке (в прямом смысле этого слова), держать так и смотреть, как она станет выкручиваться и извиваться.

Хотелось увидеть, как в болотных глазах проступит... не страх – нет, Гена был гуманистом по природе – а растерянность и удивление. А то смотрит так, как будто знает все наперед и не ждет от Гены Явкина ничего хорошего. «Неодобрительно смотрит – вот как», – Гена, наконец, дал оценку этому взгляду.

Гена мечтал, чтобы Баркова уважала его. Не за силу, а за ум.

– Ума у тебя, Генка, палата, – посмеивался дед Василий над внуком. – Надо что-то с этим делать. Так дальше нельзя.

Но то – дед. Деду все можно. Но Баркова же не дед!

А Баркова насмеялась над ним и презирала его. И, кажется, подозревала, что он, Геннадий Явкин, внук геройского Василия Ивановича Явкина, тысяча девятьсот тридцатого года рождения, кадрового офицера, бывшего летного инструктора в Южном Вьетнаме (подпольная кличка Яв Кин) не чист на руку.

Если бы Баркова была мужиком, Гена знал бы, что делать, но к бабе его знания были неприменимы.

Он выслушивал намеки, мрачнел и ничего не мог предпринять. Гене не приходило в голову, что он должен обелить свое честное имя, доказать свою непричастность к хищениям на фирме.

С какой стати? Они же не в суде. В конце концов, для этого есть служба безопасности. В конце концов, дядька Санька, он же генеральный директор, он же родной брат матери, не поверит ни одному слову Барковой.

Длительное время Гена и сам не мог взять в толк: а на что, собственно, намекает эта воображала, эта заноза Баркова?

Оказалось, он под колпаком у второго зама. Всего-навсего.

«Это же голимая чушь, – говорил себе Гена каждое утро перед работой, – чтобы до такого додуматься, нужно быть... Барковой».

На фирме дядьки Гена чувствовал себя как у бога за пазухой. В свое время именно дядька воткнул племянника на строительный факультет университета, после университета натаскивал его, обминал в разных компаниях и на разных стройках. Потом создал свою фирму и Гену сделал начальником отдела снабжения.

Гена не сопротивлялся, он вообще был непротивленцем.

Но сейчас в нем просыпалось новое, неведомое чувство, по описаниям схожее с самолюбием. О наличии самолюбия у себя Гена до сих пор даже не подозревал, а обнаружив, расстроился. Как будто он сдал кровь на анализ, а анализ показал, что кровь у Гены голубая. И что с этим делать?

Незаметно в душу Явкина вкралась маета. Баркова лишала его покоя.

Глава 6

... Был вечер пятницы.

Выйдя из офиса, Ксения попрощалась с двумя менеджерами из производственного отдела, с которыми ехала в лифте, пожелала хороших выходных и двинулась за угол здания, к парковке.

В косых лучах июньского солнца, протыкавших насквозь машины всех марок, Ксения увидела «жигули»-девятку и в ней – силуэт собаки. «Жигули» стояли в некотором отдалении, стекло в окне было чуть приспущено, и пес обозревал редких прохожих из салона.

Ксения даже не удивилась: ротвейлеры и рыжие коты последнюю неделю просто преследовали ее. У магазина, возле дома, в телепередачах, в рекламе собачьего и кошачьего корма – всюду было засилье ротвейлеров и рыжих котов.

Даже в сериале, который смотрела мама, наличествовал кот. Конечно же, рыжий.

Можно было считать это одобрением и поддержкой небес, а можно – кознями лукавого.

Ксения не нуждалась в одобрении или напоминании. И козней не страшилась.

Многого в жизни она добилась благодаря упрямству, именно упрямству она доверяла куда больше везения.

Женские капризы были ей не свойственны, она могла отодвинуть в сторону все и двигаться к цели, как ракета с системой наведения. Ни завал на работе, ни друзья, ни любовник, ни мамино брюзжание не могли помешать ей отыскать убийцу Левки.

С Никитой или без, она найдет его.

Именно об этом думала Ксения, идя по проходу между рядами машин.

В тот момент, когда она поравнялась с «жигулями», раздался лай.

Он раздался так близко и так неожиданно, что Ксения с испугом отпрянула от машины и непроизвольно схватилась за грудь.

В десятую долю секунды в голове мелькнуло узнавание: это тот самый ротвейлер.

Глядя прямо в глаза Ксении, пес отрывисто и хрипло лаял.

Ксения огляделась. Машины въезжали и выезжали со стоянки, никому не было никакого дела до Ксении Барковой, направляющейся к своей серебристой «Ауди».

– Крон? – позвала она собаку.

Собака отреагировала на кличку совершенно явственно: заметалась по сиденью и снова возвратилась к окну с такой яростью, что авто закачалось.

С часто бьющимся сердцем Ксения обошла машину и взглянула на номер – номер был местным.

Еще раз оглядев парковку и ничего особенного не обнаружив, Ксения нашарила в маленьком отделении сумки телефон, летящим движением поймала в фокус задний бампер и щелкнула фотоаппаратом.

Спрятав трубку, Ксения снова посмотрела на беснующееся животное: поставив лапы на спинку заднего сиденья, ротвейлер смотрел в окно и глухо рычал, подняв верхнюю губу и обнажив сахарные клыки.

Боясь искушать судьбу, Ксения сорвалась с места и уже через минуту сидела в «Ауди».

Сердце бешено колотилось, руки дрожали, Ксения стиснула кулаки с такой силой, что ногти впились в ладонь: «Вот где ты у меня, сукин сын».

«Ауди» послушно дала себя вывести из стойла между новым «корейцем» и подержанной «француженкой».

Теперь, соображала Ксения, выворачивая руль, придется просить о помощи Варькиного мужа Сережу. Сергей Ива служил в администрации города, в контрольно-счетной палате.

Наверняка у такого человека найдутся знакомые, способные установить адрес владельца по номеру машины.

Решив действовать, Ксения не стала откладывать, позвонила Варваре и напросилась в гости.

...Сидя на кухне Ива, Ксения поела курагу в шоколаде, прилебывала чай со сливками и время от времени запускала глаза в листок с координатами врага.

Записанные размашистым почерком Сергея, они наводили на размышления: «Холин Иван Игоревич, тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения, адрес регистрации: улица Космонавтов, дом 7, квартира 9б. Имеет судимость по статье сто двенадцать, освобожден по амнистии. Тюремная кличка Хрящ».

– Светлый образ получается, – заметила Ксения, прочитав справку.

– Сто двенадцатая – это нанесение тяжких телесных, – просветил Ксению Сергей. – Агрессивный сукин сын. Сомневаюсь, что тебе надо встречаться с ним.

В этот момент никаких чувств, кроме растерянности и замешательства, Ксения не испытывала. Ракета-носитель неожиданно сбилась с курса, потеряла цель.

Да, она, наконец, знала, где искать опричника.

Да, она могла прямо сейчас сесть в машину, повернуть ключ в замке зажигания, сверяясь с запиской, отыскать улицу, дом, квартиру. Она могла уже сегодня увидеть эту сволочь.

А дальше-то что? Зачем она встретится с ним? Чтобы прочитать нотацию? Отшлепать? Схватить за ухо и привести к родителям? Увидеть глаза без очков и убедиться, что в них нет ничего, кроме пустоты? Или провести психологические тесты и доказать самой себе, что перед ней социопат? Жертва насилия?

Все это было одинаково глупо и не могло принести удовлетворения.

Тут в голову ей пришло, что ехать на встречу с сукиным сыном, мотавшим срок за избивание человека, без Никиты не стоит. А еще лучше вообще не встречаться с уголовником, а действовать через адвоката, – осенило Ксению.

– А я и не стану с ним встречаться, – объявила она.

– А как тогда ты его привлечешь? – удивилась Варя, появляясь на кухне, – она укладывала сына спать.

Ксения стянула из вазочки еще одну конфету и зашелестела оберткой.

– Пусть это делает адвокат, – она быстро посмотрела на Сергея. – Сереж, нет у тебя адвоката на примете?

– По кошачьим делам? – Сергей был большим насмешником.

Взгляд Ксении метнулся и спрятался в чашке. Ей было известно мнение Сергея: он считал Ксению чересчур энергичной и, не особенно скрываясь, называл «штурм-коммандос».

– Сереж, – всколыхнулась Варя, – ну чего ты? Ты же можешь поспрашивать у своих, поискать. Тебе же проще это сделать, ты же мужчина. – Как мужняя жена, Варя пребывала в наивном заблуждении, что мужчины могут все.

– Вот тебе и адвокат, – кивнул на жену Сергей.

– Не надо, Варь, – остановила подругу Ксения. – Сергей прав – адвокат не проблема.

– Нужен не просто адвокат, а хороший, – не согласилась Варвара. – Хорошего через знакомых искать надо.

– Найми какого-нибудь выпускника юрфака, – дал совет Сергей. – Пусть это будет его первое дело. Он разделает твоего Холина, как бог черепуху.

– Ну вот, уже и моего Холина, – проворчала Ксения. Совет Сергея она не восприняла всерьез.

– Кстати, может, он своего ротвейлера для собачьих боев натаскивает.

– Ну... это уже средневековье какое-то, – не поверила Варя. – Кого в наше время собачьи бои интересуют?

– Интересуют, и еще как. – Сергей закинул ногу на ногу и покачал шлепанцем. – Это достаточно серьезный подпольный бизнес. Там нехилые ставки крутятся.

– Где? У нас? В нашем городе? – Подруги смотрели на Сергея, как на сумасшедшего.

– В нашем городе, – подтвердил он и веско добавил: – Победитель трехкомнатную квартиру может купить. Представьте себе.

Ксения на минуту вообразила, что в результате боевых действий, развязанных против бывшего уголовника и его пса, выйдет на подпольный тотализатор, и ей стало дурно. Нет, она не настолько сумасшедшая. Никаких таких целей она перед собой не ставит. Она ищет и хочет наказать виновника Левкиной смерти – только и всего.

– А полиция?

– У полиции дел хватает и без собачьих боев. Варюша, – Сергей просительно посмотрел на супругу, – сделай еще чайку, пожалуйста.

– Меня не интересует, чем занимается этот Холин, – заявила Ксения. – И я прекрасно понимаю, что ротвейлер здесь ни при чем. Я хочу наказать не ротвейлера, а его хозяина. Хорошо бы сделать процесс публичным в назидание всем владельцам бойцовских пород, – с мечтой в голосе добавила она.

Сергей перестал качать шлепанцем.

– Похвально, похвально, – пробубнил он, теряя интерес к теме. – Так что там у нас с чайком, Варюша?

– Сейчас сделаю. – Варя неохотно поднялась.

– В конце концов, этот Крон мог наброситься на ребенка, – выложила Ксения последний аргумент.

Сергей уже скучал в открытую:

– Да нет, я не против, только учти: подобные дела отнимают массу сил и времени и победу не гарантируют.

– Ладно тебе, пифия карманная, – фыркнула Варвара. – Если не верить в успех дела, то и начинать не стоит, правда, Ксюш?

Ксения выразила полное согласие с этой оптимистичной формулой и простилась с друзьями, предварительно чмокнув спящего Яшу в щечку.

...Оказавшись в «Ауди», Ксения включила радиоманитола и под бубнеж ведущего вечернего эфира принялась думать о Холине.

Теперь ей казалось, что гадкая рожа его как нельзя лучше подходит под сто двенадцатую статью. Такому и убить ничего не стоит. Что если он действительно выставляет собаку на бои?

Господи, ей нет до этого никакого дела.

Не дав себе времени на сомнения, извлекла из сумки телефон и набрала номер Никиты.

Номер долго не отвечал, и Ксения несколько раз успела посмотреть на стрелки часов: под ее нетерпеливым взглядом секундная переместилась на одно деление, еще на одно, еще и еще...

– Да, Солнышко? – услышала, наконец, она. Судя по фоновому шуму, Никита ехал в машине. – Соскучилась?

– Никеша, я по делу звоню.

– Да?

– Никит, я узнала адрес мужика с собакой, – выпалила Ксения.

– И как я должен реагировать на такое откровенное признание? – Голос у Никиты был игривым.

– Никит... Ну... того мужика, с ротвейлером.

Подсказка не помогла испытуемому:

– Не понял. Какого мужика? – Все, что не касалось напрямую самого Никиты, вылетало из его красивой головы.

– С ротвейлером, который задрал моего Левку, – повысила голос Ксения.

– А что ты нервничаешь? – тут же отреагировал Никита. – Я просто не расслышал.

– Ты можешь со мной съездить к нему?

– Когда?

– Сегодня. Прямо сейчас.

– Солнышко, сегодня никак не могу. Сегодня же среда. Среда, Солнышко! Завтра могу.

А сегодня – никак, ты же знаешь.

О да! Она знала.

– Ясно, – процедила Ксения, – извини.

– Ну, давай, не грусти, – простился Никита.

Зуммер в телефоне прозвучал, как реквием.

Открылась неприглядная правда: на Никешу нельзя положиться в трудную минуту. Его идеальный рельеф – только мастерски вылепленный фасад, прикрывающий пустоту.

Внезапно у предателя Никиты Рассветова обнаружился защитник – внутренний голос.

Голос был язвительный и беспощадный – как неродной: «Какая это у тебя «трудная минута»? Левка – только кот. И все. Так что не делай трагедию там, где ее нет. Это дурной тон».

Сентенция вызвала ропот, Ксения перешла в оппозицию к собственному внутреннему голосу: «Ах, только кот? Да я не встречала такой благодарности в людях! Только кот, говоришь? Да он меня понимал без слов!».

Это была истинная правда. И тот факт, что Левки больше нет, вызвал в груди Ксении острую боль.

Интересно, внезапно подумала она, а без Никиты ей будет так же паршиво?

Этой мысли Ксения устыдилась.

Никеше Рассветову она была бесконечно благодарна за то, что он вытащил ее из персональной Гримпенской трясины.

В трясины Ксения угодила напрямиком из сокрушительного романа с чужим мужем.

А так же бывшим своим начальником, а также первой большой любовью, ныне отцом троих детей.

С неба спустились сумерки, на столбах зажглись нежные световые точки.

Ксения щелкнула клавишей, включила ближний свет.

Их роман оборвался, когда Ксения узнала, что жена любимого собирается в декрет... Как выяснилось, каждая интрижка на стороне заканчивалась для шефа рождением очередного наследника.

Представляя бывшего любовника многодетным отцом, Ксения не могла удержаться от мстительной радости: трое детей – не предел. При его вулканическом темпераменте и оборонительной тактике жены к концу репродуктивного возраста супруги обзаведутся выводком наследников. Футбольной командой. Родовым племенем.

К дому Ксения подъехала уже в темноте.

Борьба с гаражным замком отняла последние силы.

– Проклятье, – шептала она, в отчаянии просовывая в кольцо ключа припасенный гвоздь. – Если не откроется, плюну на все и уволюсь.

Угрозу подслушал кто-то всемогущий, замок поддался – видимо, для увольнения время еще не пришло.

Глава 7

...Район оказался не таким уж и незнакомым.

Еще в школьные годы Ксения ездила сюда заниматься английским.

Поплутав во дворах, отыскала дом с номером «7» и пристроила «Ауди» у одинокого металлического гаража, на котором была наклеена полоска бумаги с предписанием «Убрать до...».

Число Ксения не разглядела – оно было вписано от руки, чернила расплылись и выцвели.

– Московское время восемь часов сорок пять минут, на нашем канале новости, и я уступаю место в эфире нашему комментатору Ярославу Мишустину, – сообщил женский голос.

«Мишустин, Мишустин, – повторила про себя Ксения, – уж не нашего ли Александра Ивановича родня?».

Заглушив двигатель, выбралась из машины, поставила ее на сигнализацию и оглядела двор. Двор как-то внезапно притих и затаился, и Ксению охватило дурное предчувствие.

Пожалуй, впервые она полагалась на удачу.

Если ей повезет, Холин окажется дома. Или наоборот? Если ей повезет, он уже отправился с Кроном на прогулку, и она сможет без риска расспросить об этом субъекте соседей.

Дверь в квартиру «96» была обита по моде девяностых вагонкой. Вагонку дополняла позолоченная ручка английского замка, и Ксения почему-то сразу вспомнила о тюремном прошлом хозяина квартиры.

Волнуясь, замерла на площадке и попыталась обострившимися чувствами уловить вибрации от квартиры врага. От порыжевшей вагонки никаких вибраций не исходило. Звонок прозвенел и стих, а квартира продолжала хранить молчание.

Откуда-то тянуло подгорелым молоком, где-то рядом сработал смывной бачок, беззлобно переругивались супруги, а квартира «96» не подавала признаков жизни.

Будь дома Крон, пришла к нехитрому выводу Ксения, он бы уже высаживал грудью дверь и хрипел от ненависти.

Ксения еще постояла, раздумывая, кого из жильцов побеспокоить.

Выбор пал на черную металлическую дверь без номера и без половичка под порогом.

Дверь распахнулась почти сразу, в проеме высился детина в шортах и шлепанцах, с непропорционально маленькой головой, придававшей ему сходство с ящером.

На дне невыразительных глазок вспыхнул интерес, и Ксения слегка струхнула.

– Здравствуйте, – пискнула она, отступая к перилам и примериваясь, как половчее скатиться вниз в случае необходимости.

– И тебе не хворать, – изрыгнул ящероподобный.

– Вы соседа вашего из девяносто шестой давно видели?

– А тебе зачем?

– Я из районной администрации, – бухнула Ксения первое, что пришло в голову. – Разношу предписания о сносе гаражей. Понаставили, все пожарные подъезды перекрыли тут, понимаешь.

Ящероподобный мгновенно ошетинился:

– У Ваньки никакого гаража здесь никогда в помине не было. Это Курочкина Федьки гараж, но ему как инвалиду положено. Власть называется. В одну харю все. Федька воевал, ноги лишился, а ты ему предписание? Да вас всех на Колыму надо сослать, администрация, блин! Жаль, Ваньки нет, а то бы волкодава своего на тебя спустил. Зажрались, паразиты. Вот дождетесь, когда народ за дубинки возьмется. Мы за Федьку всем подъездом жалобу напишем в прокуратуру на вас! За дураков нас держите? Сами, небось, опять парковку какую-нибудь здесь собрались строить? – наступая на визитершу, распаялся верзила.

Он еще что-то выкрикивал в спину Ксении, бас его дробился о лестничные пролеты, горохом отскакивал от стен.

Захлопали двери, к голосу правозащитника прибавился еще один:

– Взятчники! Христопродавцы.

Это уже было из репертуара какой-то местной старушки.

Изо всех сил стараясь сохранить достоинство, Ксения выкатилась из негостеприимного подъезда, забила на сиденье «Ауди» и сорвала машину с места.

Отъехав на приличное расстояние, смогла проанализировать добытую информацию.

Ящероподобный назвал соседа Ваней и намекнул на имеющегося волкодава. Можно считать, разведка боем получилась, хоть и прошла с некоторыми издержками. Но не стоит придирается – а ля гэр, ком аля гэр.

Глава 8

...Пифией оказался не муж Варвары, а она сама: с адвокатом вышла загвоздка.

Адвокатов, выигравших дела о защите прав животных в суде, в городе не существовало, как и самих дел.

– Прецедента не было, – объяснила секретарь коллегии адвокатов, милейшая женщина с аристократическими манерами. – Обычно такие дела улаживают до суда.

– Так он и не появится, – прецедент, если дело некому вести, – высказала ценную мысль Ксения.

– А вы попробуйте через мирового судью решить этот вопрос, – дала совет аристократка. Совет был бесплатный, и это был щедрый подарок: в фирме ни один служащий бесплатно даже не улыбался.

В наихудшем расположении духа Ксения вернулась на работу.

Внутри все кипело, и Ксения без труда определила виновника своей неудачи. Все из-за Явкина.

Она давно уже вывела печальную статистику: стоило встретиться с Геной, и день шел насмарку.

С утра они столкнулись с Геннадием Явкиным перед лифтом. Как назло, в здании с двенадцатью этажами кроме Браковой и Явкина ни одного желающего подняться в лифте не оказалось.

– Тебе идет этот костюмчик, – оскалился Явкин.

Ксении немедленно захотелось сбить радостный настрой с Гены. Ее взгляд и голос окрасились состраданием:

– Геннадий Тимофеевич, по жалобе Ерохина готово заключение. На твоём месте я взяла бы отгул, чтобы привести дела в порядок. И сухарей бы засушила. Мешка два.

– Ты не можешь быть на моем месте, потому что я всегда сверху, – шепнул Явкин Ксении в висок.

На мгновение Ксению накрыла смесь запахов, в которой различались едва заметная горчинка от дорогих сигарет, пряная нотка парфюма и... чего-то странного... Невещественного... Неужели мужского обаяния?

Ксения не позволила себе заблуждаться.

– Явкин, оставь свои намеки для барышень из кулинарного колледжа. – Ноздри у нее подрагивали от сдерживаемой ярости.

Лифт причалил, двери кабины отползли в стороны и замерли в ожидании пассажиров.

Ксения медлила, и Явкин с видом законченного придурка ждал, когда она войдет в лифт первой.

– Мужчина получает удовольствие, если пропускает женщину вперед. Прошу. – Ничего не подозревающий Гена подписал себе приговор.

– Уверяю тебя, – процедила Ксения, – это не тот случай, когда мужчина пропускает женщину вперед.

Гена уставился на второго зама:

– Ты имеешь в виду, мы должны одновременно войти? Давай попробуем. Мне кажется, если я тебя обниму, у нас получится. Вообще, мне интуиция говорит, что у нас вдвоем все может получиться. Я бы даже сказал, не вдвоем, а наедине.

– А мне моя интуиция говорит, что с таким, как ты, наедине скучно.

Гена покровительственно потрепал Ксению по плечу:

– Моя девчонка не жалуется. Но, как говорится, нет предела совершенству. Я готов учиться, если учителем будешь ты. Только свистни. Или ты мужененавистница?

Явкин забыл ладонь на плече у Ксении, и она процедила сквозь зубы:

– Руку убери.

Внезапно в Ксении проснулось трусливое желание подняться на седьмой этаж пешком.

В последнее мгновение решила не уступать этому бонвивану. С какой стати?

Шагнула в лифт и с воинственным видом встала к стенке, вдоль которой тянулся поручень.

Гена нажал на кнопку седьмого этажа и словно невзначай положил руку на поручень. Ксения оказалась в ловушке. Чтобы скрыть смущение, с вызовом посмотрела на Явкина.

Глаза Явкина остановились на груди второго зама – под тонкой блузкой с цветочным рисунком угадывался кружевной бюстгальтер.

– Баркова, мне хорошо, когда женщине хорошо. Ты сможешь убедиться в этом, как только захочешь. – Тепло, исходящее от фигуры Явкина, ощущалось все явственней.

Ксения не знала, куда деваться, безотчетно перестала дышать и, кажется, втянула живот.

И неожиданно поймала себя на мысли, что за несколько лет знакомства впервые видит глаза племянника Мишустина так близко.

Глаза у Гены оказались водянисто-голубыми, и все в них просматривалось до самого дна. Даже случайно, даже по забывчивости создатель не оставил на этом дне ничего значительного. Вот если бы им добавить глубины, не без сожаления подумала Ксения, они были бы даже красивыми.

На панели погасла кнопка с цифрой «семь», лифт замер, Гена уронил руку-шлагбаум.

Испытав невероятное облегчение, Ксения шагнула к выходу, царственно повернула шею.

– Если хочешь доставить мне удовольствие, перестань подворовывать на фирме. – Завершив пассаж, она покинула кабину, лифт отчалил, унося с собой сраженного наповал – так ей казалось – Гену.

Оказавшись на площадке между этажами, Ксения вдохнула прокуренный воздух.

«Ну и придурок», – в который раз поразила ее она.

Из кабинета менеджеров выскользнула девичья фигурка с пачкой бумаги – дух ветра, Сильфида.

– Мышлявкина! – От злости Ксения даже вспомнила фамилию Сильфиды. – Это вы не выключили копировальный аппарат? Объявляю вам выговор.

С прямой спиной Ксения пронеслась мимо красной, как маков цвет, сотрудницы.

Заключение по жалобе Ерохина лежало у нее на столе. Она еще раз перечитала справку, из которой следовало, что вместо заказанной марки оборудования поставщик прислал его модификацию. На этот раз Гене удалось удержаться в седле: в бланке-заказе снабженцы указали именно то, что просил Ерохин.

С легким разочарованием Ксения вложила лист в прозрачный файл и стала думать про адвоката. Может, на самом деле, обратиться к мировому судье?

Глава 9

...Прочитав табличку на двери, Ксения приободрилась: «мировой судья Аксиониди Георгий Аполлонович» не мог оказаться бездушным сухарем, равнодушным к судьбе несчастного Левки.

Судья оказался плешивым пухлым коротышкой, впрочем не лишенным мужского обаяния. Ксении он явно симпатизировал: бросив на нее один-единственный оценивающий взгляд, держал себя как старый добрый друг.

Выслушав суть претензии, Георгий Аполлонович направил Ксению к девочке-секретарю. Та зарегистрировала заявление и выписала повестку Холину. Повестку девочка вручила оторопевшей Ксении со словами:

– У нас курьер на больничном – ногу сломал. Вы же заинтересованная сторона?

Получив подтверждение, девочка довела до заинтересованной стороны следующую мысль:

– Вот поэтому вам лучше не ждать, а самим вручить ответчику повестку. Только под личную подпись.

Из присутственного места Ксения вышла в полной прострации.

Легче было представить, как она вручит повестку Тугарину-змею, чем Холину, особенно с учетом Крона.

Если бы она знала, где этот Холин работает, еще можно было бы попробовать поймать его на рабочем месте и всучить повестку при свидетелях.

Тут Ксения признала, что девочка-секретарь знает свое черное дело: заседание суда назначено через две недели, терять время на поиски места работы Холина смерти подобно: если он не явится в суд, решение примут без него.

Потом «заинтересованное лицо», то есть она, Ксения Баркова, будет точно так же, высунув язык, носиться за Холиным, чтобы вручить ему решение суда. А чтобы он исполнил это решение, потребуются месяцы, и все будет тянуться до морковкина заговенья.

Следовало уже вечером отправиться на улицу Космонавтов и каким-то образом вынудить Холина поставить подпись на корешке повестки. Желательно кровью, не без злорадства подумала Ксения.

И она сделала первое, что, по здравом помышлении, сделала бы на ее месте каждая – позвонила своему ненаглядному другу Никеше.

И выслушала отповедь, похожую на запись на автоответчике:

– Солнышко, я сегодня никак не могу. Сегодня же понедельник, сегодня у меня тренировка.

– А ты не можешь пропустить тренировку? – упавшим голосом спросила Ксения. – Или перенести ее на завтра.

– Солнышко, что ты прямо как чужая? Конечно, не могу. Завтра другая команда тренируется. И пропустить не могу – мышцы постоянно нужно держать в форме.

Аргументация была слабенькой. Никакого криминала в том, чтобы Никита пропустил тренировку, Ксения не видела и все списала на лень своего друга, эгоизм и ненависть к суете. По этой причине даже вид спорта Никита выбрал несуетливый.

Неожиданно для себя она сказала:

– Знаешь, Рассветов, это не я, это ты чужой.

– Солнышко, у тебя критические дни? – с обидой спросил инструктор.

Ксения так и видела, как Никеша наморщил свой идеальный нос.

– Извини за беспокойство. Прощай. – Прозвучало пафосно, но Ксении было плевать на слог. В этот момент она была уверена, что отношения с Никешей зашли в тупик и ликвидировали сами себя, как космическая станция, отработавшая срок.

Глава 10

...Прокатывая между ладоней остро оточенный карандаш, Гена честно пытался работать.

На данный момент работа состояла в том, чтобы вникнуть в замечания, высказанные производственниками, и составить рекламацию на оборудование, а самолюбие, черт бы его взял, требовало: обидься, Гена.

«Если хочешь доставить мне удовольствие, перестань подворовывать на фирме», – вот как она выразилась.

Ведь что, мерзавка, сотворила: разбила предложение на две части. Пока он, открыв рот, вслушивался в журчащие переливы ее голоса, она сказала гадость и сиганула из лифта, вильнув бедром. И, конечно, он ничего не успел ответить этой змее, этой ведьме, потому что пока он пялился на ее попку (тут Гена вздохнул и заерзал в кресле), лифт тронулся, а он так и не придумал, что ответить. Ну хотя бы: «Сама дура».

Гена сунул карандаш в органайзер, вместо него извлек ручку с черной пастой. Потянулся к принтеру, достал несколько листов бумаги и положил перед собой.

Чистый лист вызывал у Гены желание оставить на нем свою подпись.

Этим Гена и занялся. Подпись была командирская, с нажимом, сильная и энергичная. Вот только с подчеркиванием Гена никак не мог определиться: снизу ставить или сверху? Нужно было потренироваться.

Рука тренировалась, голова думала – о Барковой, конечно.

Умная бы давно допетрила, что его кто-то подставляет, сказал себе с горечью Гена и понял, что сказал что-то важное.

Обижаться было приятней, чем думать, но мысль внедрилась в череп и застряла там, вызвав маету и внутреннее беспокойство.

Так и не решив, где ставить это самое подчеркивание, Гена приподнялся, перегнулся через стол, отправил лист в пустую корзину, сел и вернулся к началу размышлений: «Кто-то подворовывает на фирме дядьки Саньки. Баркова почему-то уверена, что это дело рук Геннадия Явкина. Тимофеевича», – добавил про себя Гена и раздул щеки.

Так вот: второй зам Баркова уверена, что Гена Явкин...

Кресло под Геной скрипнуло.

За кого она его принимает, эта злыдня Баркова?

Все просто. Кому-то очень нужно, чтобы злыдня отравляла ему существование.

Кому? Враг окопался где-то поблизости и наблюдает за Геной Явкиным?

Похоже на бред сумасшедшего.

Неудобные мысли плодоносили, как сорняки. В попытке избавиться от них, Гена клацнул «мышкой».

Выйдя в интернет, прошелся взглядом по курсу евро, доллара, фунту-стерлингу и зачем-то гривны, посмотрел температуру воздуха в Мармарисе, в Абу-Даби и на Сардинии и уже нацелился на завлекательную брюнетку в бикини, под которой красовалась подпись «развлечения для мужчин», как в кабинет влетел чем-то сильно раздраженный главный инженер Ерохин.

– Сколько это может продолжаться? – с порога потребовал отчета он. – Ты хоть за что-то отвечаешь в отделе?

Гена покраснел и закрыл сразу все окна на мониторе. Покраснел не от глупого вопроса Ерохина, а от того, что чуть не попался на ребяческом интересе к «развлечениям».

Чтобы скрыть смущение, Гена сделал важное лицо и откинулся на спинку стула:

– А что такое? – Вот как мы умеем, означал этот вопрос и эта поза.

– Где штукатурная станция?

– Какая станция?

– В девятиэтажке на третьем участке с сегодняшнего дня по плану начинаются штукатурные работы. Так?

– Ну? – Гена дернул могучими плечами.

– Бригада штукатуров вышла на работу, а станции нет. Где станция, Гена? – сердечно спросил Ерохин. – Или, по-твоему, можно ведрами таскать раствор на девятый этаж?

– А что ты с больной головы на здоровую валишь? – удивился Гена. – Эта ваша станция. И ты за нее отвечаешь.

– Память у тебя, Гена, девичья. Я был на больничном, акт подписывал ты. Ты должен был отследить движение станции с участка на участок.

– Да неужели? – осклабился Гена. – Это не я, а ты должен был отследить. Ты производитель, не я. И больничный ты уже закрыл.

– Хорошо, – отступился Ерохин. – Дай мне чистый лист.

В глазах у Гены зажглось любопытство, он потянулся к принтеру и захватил несколько листов.

Ерохин устроил крокодиловую папку на краю стола, устроился сам, придвинул лист и что-то застрочил.

Через минуту он поставил под строчками закрученную подпись и протянул Гене:

– Читай.

Гена пробежал глазами – это была докладная. Очередная... Вот дерьмо. На щеках у Гены проступил нездоровый румянец. Румянец не укрылся от Ерохина.

– Прочитал?

– Ну?

– Это я довел до твоего сведения. Давай сюда. Встретимся у шефа.

Гена вернул докладную, Ерохин сгреб папку и вымелся.

Ерохин вымелся, но осадок на душе у Гены Явкина остался.

В полном расстройстве Гена вышел в коридор и столкнулся с худородным цыпленком – молоденькой сотрудницей.

– Здравствуйте! – с некоторой восторженностью пискнул цыпленок.

Кажется, это чудо в перьях работало у Барковой и звали чудо, кажется, Танечкой.

– Здравствуйте. – Гена исторг тягостный вздох.

Было в фирме только одно место, где он мог успокоиться, – столовая.

...За хороший аппетит Дуся выделяла Явкина из общей массы сотрудников.

– Что-то на вас лица нет, Геннадий Тимофеич, – встретила она Гену.

– Та-а, – Гена скривился. – Есть тут субъекты разные, умеют настроение портить.

– А вы покушайте, Геннадий Тимофеевич, и все наладится. А то на голодный желудок все драмой оборачивается.

– Как ты говоришь? – Гена озадаченно смотрел на кухарку.

– А посмотрите на этого нашего тощего Ерохина – все у него плохо. Почему?

– Почему? – послушно повторил Гена.

– Потому что язвенник. Или второй зам. – Дуся понизила голос. – Почему такая злющая? Да потому что все на диете сидит.

– Дуся! – Генино лицо расплылось в улыбке. – Ты не буфетчица, а чистое золото.

От Дусиных слов ли, от наваристого ли украинского борща настроение у Гены поднялось на такую высоту, что Ерохин с его эпистолой закатился в запасной карман памяти – был у Гены такой специальный карман для неприятностей. Нечто вроде закровов Родины. Неприятности в нем пропадали бесследно.

– Всем приятного аппетита, – раздался голос Барковой, и сердцебиение и пульс у Явкина участились.

Гена оглянулся через плечо: второй зам прошла к стойке. На шпильках, в узких брючках и приталенном пиджаке... Волевым усилием Гена оторвал глаза от тугих ягодиц, обтянутых тканью...

Баркова выбрала два салата, паровую котлету и сок и устроилась у окна в профиль к Гене. За минуту до этого мечтающий о добавке Гена как-то враз потерял аппетит.

Язва и задавака Баркова бесила его хотя бы уже тем, что дядька Санька приводил Гене второго зама в пример. Баркова то, Баркова се...

И себя содержит в порядке, и отдел работает, как отлаженный механизм, и отчеты радуют искушенный дядькин глаз, а ответы на любой вопрос – слух.

Гена же был небрежен, толком не мог составить служебную записку. Вечно то излишне сократит, то излишне растянет содержание, то начало с заключительной частью увязать не может. И порядка у него в бумагах не наблюдается, все время что-то теряет...

Ну и черт с ним со всем. Не в работе счастье.

Гена доел, влил в себя сок, салфеткой промокнул рот, отнес грязную посуду на специальный столик, сказал Дусе «спасибо» и с видом оскорбленного достоинства покинул столовую.

Дуся проводила любимца сочувствующим взглядом.

Глава 11

... Судный день приближался, тянуть с повесткой больше было нельзя. Нужно было ехать к Холину, а ехать было страшно и взять с собой – некого.

Гордость не позволяла Ксении звонить Рассветову, а он не беспокоил ее своими звонками, не осаждал и не преследовал, на что она в тайне надеялась.

И вместо того, чтобы субботу посвятить хозяйству и себе, Ксения приняла героическое решение прямо с утра отвезти Холину опостылевшую бумажонку и забыть о ней.

Постояла под душем, с удовольствием облачилась в джинсы и джемпер, обула мокасины, хотя в обуви без каблучков у нее развивались комплексы, она казалась себе полноватой и низкорослой.

После ночного дождя воздух был пропитан стылой моросью.

Открывая гараж, чертыхнулась и поклялась сегодня же купить газету «Из рук в руки» и найти объявление «Хозяин на час».

Ксения хмыкнула. Звучало многообещающе. Или это только плод ее воображения? Хозяин на час!

Конечно, мама права, и мужик в доме нужен. Но пока ее вполне устроит рукастый «хозяин на час», лишь бы он умел смазывать и менять замки.

Вот выпихнуть бы маму замуж...

Под эти наивные мечты Ксения незаметно доехала до улицы Космонавтов и пристроила «Ауди» возле приснопамятного металлического гаража.

И снова сердце сжалось от дурного предчувствия.

С Тугариным-змеем она еще справится, а вот с ротвейлером... Лишь бы собака была в наморднике, лишь бы не выскочила неожиданно... А то есть все шансы продолжить список жертв.

Ладно тебе, пристыдила себя Ксения, не нагоняй страху. Что тебе Тугарин-змея сделает? Не спустит же Крона, на самом деле. Это уже будет не «жестокое обращение с животными», это уже нечто другое. Это уже покушение на убийство – ротвейлеру не составит труда добраться до сонной артерии или яремной вены...

При мысли о своей горячо любимой сонной артерии Ксения почувствовала слабость и категорическое нежелание покидать «Ауди», но вспомнила, какое нынче число, сколько дней осталось до заседания суда, и выгнала себя из машины.

...Дверь, обитая вагонкой, оказалась распахнутой, и она увидела Крона – пес сидел на коврик в прихожей и ждал хозяина. Очевидно было, что они собрались гулять, но перед самым выходом что-то Холина отвлекло и задержало.

Намордника на собаке не было, а поводок был небрежно накинут на ручку английского замка.

Все эти детали Ксения успела вобрать взглядом и проанализировать, пятясь назад, в лифт. Лопатки уткнулись в стену – она даже не услышала, как лифт закрылся. На подсознательном уровне Ксения поняла, что с ней случится, и даже увидела внутренним зрением вплоть до мельчайших подробностей.

Без единого звука Крон сделал стойку.

Не отпуская взглядом желтые глаза, Ксения шарила левой рукой по стене – пальцы скользили по гладкой поверхности. В ней еще жива была надежда, что поводок удержится на ручке, что собаку окликнут, или кто-нибудь появится на площадке... хотя бы ящероподобный...

Сделав над собой усилие, Ксения оторвала глаза от ротвейлера, скосилась на стену и ударила раскрытой ладонью по кнопке вызова лифта.

Все произошло одновременно: Крон с места вошел в прыжок, а двери лифта поползли в стороны. Ксения обернулась к открытой квартире в это самое мгновение...

Как в кадре с замедленной съемкой, брезентовый поводок на долю секунды натянулся и плавно соскользнул с позолоченной ручки.

Доли секунды Ксении хватило, чтобы выставить перед собой съехавшую с плеча сумку, с визгом отступить в кабину и в панике свободной рукой дотянуться до кнопок.

Сумка мешала Крону, пес рвал кожаный ремешок, секунды уносились в астрал, но ничего не происходило – лифт стоял.

В тот короткий миг, когда Ксения осознала трагическую ошибку, – она нажала кнопку аварийного открывания дверей – раздалась спасительная команда:

– Крон, фу!

Боль Ксения почувствовала, только когда увидела вмятину на большом пальце. Белые края рваной раны на глазах наполнились кровью.

– Твою дивизию! – раздалось у лифта. – Какого черта? – Пожилой мужчина держал Крона за ошейник и мрачным взглядом исподлобья рассматривал жавшуюся к пластиковой панели зеленую от страха и боли Ксению.

Лицо мужчины и свирепая морда пса странно размножились, и Ксения, успев удивиться, по весь рост растянулась на полу.

Глава 12

...От резкого запаха нашатыря Ксения задохнулась, поморщилась, завертела головой – затылок упирался во что-то твердое – и услышала мужской голос:

– Очухалась? – голос звучал издалека, будто его принесло ветром, тогда как лицо в складках морщин висело прямо над Ксенией.

Ксения обвела глазами скамейку, на которой лежала, сделала попытку подняться, неосторожно задела палец и застонала.

Боль вернула Ксении память, она вспомнила Крона и субъекта из подъезда...

– А вы кто? – с трудом ворочая сухим языком, спросила она.

– Я хозяин собаки, которая на тебя напала. Сейчас в больничку тебя доставлю. Ну-ка, держись.

Без лишних слов Ксения обняла безымянного спасителя за шею.

Все запуталось еще больше.

Как ни крути, хозяин собаки даже отдаленно не напоминал имбецила, который выгуливал Крона в то злополучное утро.

Приговаривая что-то утешительное, субъект транспортировал Ксению к авто – в ее спутанном сознании запечатлелся благородный абрис «Мерседеса».

– Остороженько. – Горе-собачник пригнулся и усадил Ксению бочком на сиденье, так что ноги ее свесились из машины.

Неожиданно в голове у Ксении прояснилось.

– Вы Холин, – совершив сложную аналитическую работу, констатировала она.

– Не угадала. Я – Бакшатов.

– А как зовут вашу собаку?

– Это кобель. Кроном зовут.

Значит, она все-таки не ошиблась с ротвейлером.

Стараясь не замечать кровавое пятно, проступившее сквозь платок, Ксения устроила на груди руку.

– Ты не беспокойся, факт нападения я не отрицаю, – заверил радетель, оправляя на себе джинсовую куртку. – Все оплачу, все расходы на лечение.

Задвинув ноги Ксении в салон, он захлопнул дверцу.

Палец пульсировал, Ксению мутило, она откинулась в кресле и закрыла глаза.

Сиденье под водителем вздохнуло, завелся двигатель, машина стронулась с места.

Ксения заставила себя разомкнуть веки, повертела истерзанный ремешок, раздвинула молнию и сидела так довольно долго. Потом что-то подсказало ей: документы и ключи от машины. Все оказалось на месте – в маленьком отделении, вместе с телефоном.

До травмпункта они с водителем не обменялись ни словом.

В продолжение следующего часа перед Ксенией мелькали белые халаты, чьи-то руки совали в нос ватку с нашатырем – она все норовила потерять сознание, как только уяснила, что белые нитки, торчащие из фаланги, это порванные сухожилия.

– Я теперь инвалидом останусь? – вяло поинтересовалась Ксения, когда хирург, худой мужчина в хрупких очках, сшил сухожилие и уже накладывал наружные швы.

– Глупости! – удивился очкарик. – С какой такой радости? Посидите на больничном – это обязательно. Потом купите кистевой эспандер и будете разрабатывать палец. Все как на собаке заживет. Простите. Не хотел, – извинился он, спохватившись. – Про собаку – это фигура речи.

– Я поняла, – прошелестела Ксения.

Кабинет хирурга Ксения покинула под конвоем медсестры, дебелой девицы. Девица довела пострадавшую по коридору к выходу, и Ксения увидела Бакшатова – он ждал ее в холле, сидя на подоконнике.

Голова у Ксении немного кружилась, и она повисла на крепких руках.

По навесу барабанил дождь, и Ксения вспомнила о зонтике и сразу же – об «Ауди».

Держа подопечную за талию, Бакшатов доставил ее к «Мерседесу», и только оказавшись в салоне, Ксения поняла: в таком виде сразу домой нельзя. Никак нельзя.

У нее просто не хватает фантазии соврать что-то близкое к правде и сил объясняться с мамой тоже не хватает. Нужно морально подготовиться к встрече. Сейчас она, как и собиралась, поедет в офис. По субботам в офисе стоит музейная тишина, а тишина – это именно то, что придаст ей сил. Может быть, удастся поработать.

– Вам куда? Адрес говорите? – словно подслушав ее мысли, спросил Бакшатов.

Ксения встретила взгляд, отраженный в зеркале над лобовым стеклом.

Взгляд был строгим, но спокойным. Глаза карие.

– Мы должны поговорить, – вспомнила Ксения.

В это мгновение она впервые заметила виновника происшествия. То есть видеть она его видела, но не замечала.

Сделав подобное открытие, Ксения принялась незаметно разглядывать Бакшатова.

Лет пятьдесят с хвостиком, крепкий еще мужчина. Лето только началось, а он уже загорел. Вернулся с каких-нибудь островов или много часов находится на свежем воздухе? Может, коллега, строитель? Или садовник? В затуманенном мозгу Ксении вдруг возникла безумная идея сосватать маму за этого субъекта. Если он садовник, у них будут неоскудеваемые темы для разговоров.

– Поговорим, куда мы денемся, – согласился объект ее наблюдений.

– А где ваша собака?

– Дома, где ей еще быть? – Зеркало отразило карие глаза, полные непонимания.

– А вы где живете?

– Это вопрос? – В глазах Бакшатова появились озорные искорки.

– Нет. Просто хочу познакомиться с вами поближе.

– Да ради бога. – Он потянулся к бардачку, в руке оказался паспорт.

– Нет, зачем? – запротестовала Ксения. – Я поверю вам на слово. Просто все очень странно. Очень.

Не вникая в бормотание Ксении, Бакшатов перебрал паспорт ей на колени:

– Мне скрывать нечего. Смотри сама. – Он сидел вполоборота и ждал.

Под его упорным взглядом Ксения решилась.

Пролистав первые страницы, столкнулась с тем же упорным взглядом на фото, прочитала: «Бакшатов Владимир Григорьевич».

– Ничего не понимаю. – Ксения подняла расстроенное лицо. – Иван Игоревич – он кто вам?

– Брат мой. Младшенький. – Лицо Владимира Григорьевича перекошило от недоброй усмешки.

Именно потому, что она была недоброй, усмешка эта легла на душу Ксении. Она вдруг увидела в Бакшатове если не союзника и единомышленника, то сочувствующего.

– Брат?

– У нас мать одна, а отцы разные.

У Ксении отлегло от сердца: Аллилуйя!

Все, наконец, разъяснилось, она не спятила. Хозяина два, ротвейлер – один.

– Может, вы знаете, где он?

– Знаю, как не знать? Он в отпуске.

– В отпуске? А кем он работает?

– Он таксист.

В понимании Ксении к ее противнику были неприменимы такие мирные слова, как «отпуск» и «такси».

– А когда он вернется?

– На днях должен. А ты что? Влюбилась, что ли?

– Угу. – Ксения вернула паспорт владельцу и посмотрела в окно. Они все еще стояли на больничной парковке.

– Чей это ротвейлер – ваш или Ивана?

– Ивана, конечно. Пока он в отпуске, я переехал к нему и присматриваю за Кроном. Считаю, я не справился с управлением, – добавил он, понурясь.

– Это я уже поняла. – Внутри у Ксении раскачивались качели, дурнота то подступала, то отступала. – Отвезите меня на Космонавтов. Там моя машина осталась.

– Какая машина? С ума сойти с этими бабами! – Добрый самаритянин склонился на нее. – Без пальца чуть не осталась, и о машине беспокоится. Ты за руль еще месяц не сядешь – в лучшем случае.

– Да бросьте вы, – устало отмахнулась Ксения. – Я взрослая девочка, сама за себя отвечаю.

– А как же рука?

– Справлюсь. Спасибо, хоть собака привита.

– Еще бы! – Бакшатов завел машину, еще раз посмотрел на пассажирку в зеркало и отчалил от парковки. – Ванька всю зарплату в Крона всаживает.

Во дворе злополучного дома Ксении пришлось выдержать баталию, чтобы отвязаться от Бакшатова.

Когда она, наконец, пересела из «Мерседеса» в «Ауди» и осталась одна, почувствовала себя абсолютным хламом.

Глядя на лобовое стекло, на которое сыпался мелкий и частый июньский дождь, передернула плечами – в машине было сыро и холодно.

Жалеть себя Ксения не умела, но сейчас остро захотела на диван, под плед, чтобы мама спрашивала, что она будет ужинать, не хочет ли доесть оставшийся вафельный торт или, может, зефир в шоколаде...

Горло перехватило, и это никуда не годилось. Ксения заставила себя представить, как мама совмещает заботу с воспитанием: что с пальцем? Где была? Зачем тебя туда понесло, кто виноват и что делать...

Представить получилось в деталях.

Ксения осторожно стронула машину с места. Двор на Космонавтов медленно поплыл навстречу, остался позади и скрылся из виду.

...Парковка за офисом радовала глаз выбором свободных мест, но Ксения дисциплинированно припарковалась на своем, привычном.

Отогнув козырек с зеркалом, посмотрелась, чертыхнулась и с глухим раздражением вернула зеркало на место.

Следовало хотя бы причесаться, ни о чем другом уже она даже не помышляла.

Без всякой пощады продрав волосы, Ксения спрятала расческу, устроила сумку под мышкой, толкнула дверцу, распахнула зонт и выбралась из машины.

Щелкнул пульт, сработала сигнализация, и Ксения на ватных ногах поплелась к парадному.

С наивной мыслью, что в субботу она избавлена от нежелательных встреч с сотрудниками фирмы, поднялась по ступенькам, потянула на себя тугую остекленную дверь и придержала ее бедром, складывая зонт. Одной рукой делать это было до жути неудобно.

Справившись с кнопкой зонта, Ксения взглянула в вестибюль и тут же обнаружила проклятущего Гену Явкина собственной персоной – он курил и болтал с охранником.

– Нет, только не это, – пробормотала Ксения и чуть не отпустила дверь, но мужчины уже засекли ее. Прятаться было бессмысленно, и Ксения мужественно шагнула в вестибюль.

При ее появлении охранник – болезненный мужчина средних лет – тут же нырнул за перегородку, а Гена прирос к кафельному полу и с жадным любопытством рассматривал второго зама – та была сама на себя не похожа.

Во-первых, с распущенными по плечам волосами, во-вторых, в джинсах, в-третьих, с забинтованной кистью на перевязи, а в-четвертых, зеленее травы на газоне. И первое, и второе, и даже третье – все Барковой было к лицу, кроме зелени.

Зелень растеклась по лицу второго зама как-то неравномерно – ближе к вискам и под носом.

По мере того, как Гена рассматривал второго зама, любопытство на его физиономии сменялось сочувствием, он даже забыл сказать какую-нибудь скабрёзность.

– Ксения Глебовна, что случилось?

– Геннадий Тимофеевич, – скучным голосом попросила Ксения, направляясь к лифту, – сгинь, а?

Гена не обиделся, напротив – он весь был воплощенное участие:

– Я серьезно. – Явкин оставил дымящуюся сигарету в пепельнице, выдохнул в сторону и прогарцевал следом за Ксенией к лифту.

– Что с рукой?

Из поведения Явкина следовало только одно: что выглядит она – краше в гроб кладут.

Совершенно неожиданно для себя Ксения сказала правду:

– Оскольчатый перелом фаланги большого пальца.

– Да ты что? Как это тебя так угораздило? Упала?

– Собака укусила, – тихо сказала Ксения и отвернулась.

Явкин приблизился к ней и рассмотрел растерзанный, со следами от зубов ремешок сумки.

– Ни фиги себе. Большая собака?

– Ротвейлер. – У Ксении защипало в носу, и предательски задрожал подбородок.

Смутно представляя, как себя ведут со вторыми замами, покусанными ротвейлерами, Гена извлек из объятий Ксении сумку и зонт.

– Ну-ну-ну, Ксюш, уже все позади. Давай я тебе помогу.

На плечо Ксении опустилась ладонь.

Прислушиваясь к чужому теплу, переливающемуся в нее, Ксения сама не поняла, как позволила взять себя под уздцы и ввести в открывшийся лифт.

В голову лезли всякие глупости: что она скверно выглядит, что волосы не удалось нормально расчесать и что, возможно, у нее несвежее дыхание...

И тем не менее... И тем не менее все это не помешало ей прямо в лифте выложить Гене Явкину, злому гению отдела снабжения, своему давнему и отчаянному противнику, всю историю про Левку, от начала и до конца.

Явкин сопереживал Ксении, как ребенок. Он кивал, округлял рот и глаза, издавал возгласы – то удивления, то сочувствия, – задавал вопросы, и Ксения не могла остановиться.

Они уже вышли из лифта на ее, седьмом, этаже, столкнулись и даже не заметили эфемериду-менеджера – Танечку. Уже Ксения достала ключ, и Гена открыл кабинет, уже они внедрили в ее «аквариум», история уже была рассказана и даже местами повторена, а Гена все

еще находился со вторым замом в одном помещении, дышал с нею одним воздухом, и она не умерла от скоротечного отека легких...

Более того! Геннадий включил чайник и сделал второму заму кофе...

После чего уселся на вертялый, неустойчивый стульчик на колесах, вызвав у Ксении минутное опасение, что стульчик не выдержит тяжести и расплющится под Генной...

Под кофе они выкурили с Явкиным по сигарете, а она все изливала и изливала душу.

Самое странное: Гене как-то исподволь удалось внушить Ксении мысль, что вела она себя геройски.

А она-то думала, что вела себя как дура – ранение получила, а повестку не вручила, так и осталась при своих интересах.

– Нет, одной тебе, конечно, соваться туда нельзя. Если хочешь, пойдем вместе, – продолжал удивлять Явкин.

Предложение подействовало на Ксению отрезвляюще. Она будто очнулась от странного сна.

– Слушай, а что ты делаешь на работе? Сегодня же суббота.

– Дела привожу в порядок, как ты советовала. – Шутка получилась неудачной, Гена спохватился, но было поздно – доверительная атмосфера бесследно растаяла.

Что-то неуловимо изменилось в кабинете, словно в океане: океан тот же самый, а теплое течение сменилось холодным.

– Я дежурю сегодня, – объяснил Гена с виноватым видом. – Мы с Ганушкиным поменялись. Я – вместо него сегодня, а он вместо меня – завтра. У мамы завтра день рождения, мне нужен выходной.

– Понятно, – произнесла Ксения, и оба замолчали, испытывая неловкость.

В душе Ксении, как змей из-под колоды, вылезло былое подозрение: нашла с кем откровенничать. Ей стало стыдно за свою слабость.

– Ладно, все, спасибо, что выслушал, Геннадий Тимофеевич. Поеду я, посмотрю документы дома.

Ксения свернула пластиковую папку трубочкой и сунула ее в сумку.

Явкин сразу уловил перемену в настроении зама и холодок, которым она себя окружила, как подпоясалась.

Они посмотрели друг на друга. В этот момент еще можно было вернуться и продолжить плавание в теплых водах, но у Гены зазвонил телефон.

– Прости, – бросил он, достал трубку из кармана, бегло взглянул на дисплей и ответил.

Обменявшись двумя словами с абонентом, Геннадий отключил звонок, но Ксения окончательно стала прежней Барковой

– Иди уже. – Она нырнула глазами в чашку с остатками кофе. – Мне, правда, пора.

Явкин поднялся с шаткого стула.

– Ты сама-то доедешь? Может, тебя подвезти?

– Доеду, не беспокойся.

– Уйдешь на больничный?

Ксения подняла окруженные тенями глаза, устремила осуждающий взгляд на собеседника:

– Не могу, Геннадий Тимофеевич. Из-за твоих темных делишек.

Гена потемнел лицом, но медлил, не уходил.

– А у меня кошка, – неожиданно сказал он, притормозив в дверях. – Матильда, голубая скоттиш-фолд. Шотландская вислоухая. Так что... Если понадобится помощь – обращайся. – Явкин толкнул офисный стул с прохода, тот откатился. Путь был свободен.

Чувствуя, как у нее отвисает челюсть, Ксения промямлила вслед:

– Вот оно что! Тогда конечно... Спасибо.

Глава 13

... Дорогую сердцу «Ауди» пришлось бросить под домом – открыть гараж и двумя руками было затруднительно, а одной и вовсе.

Сокрушаясь, что так и не успела найти «хозяина на час», что так глупо и так некстати покалечилась, Ксения открыла входную дверь.

В прихожую просочилась почти бесшумно.

Послушала дом – ничего, кроме гудения холодильника, не услышала и присела на тумбу под вешалкой.

Посидев несколько минут, достала файл с финансовой моделью из сумки, замаскировала сумку плащом, скинула мокасины и на всякий случай позвала:

– Мам, ты дома?

На зов никто не отозвался.

Обезболивающее понемногу отходило, переломанные кости и сшитые связки уже напоминали о себе тупой болью.

Ксения с величайшей осторожностью стащила с себя жакет и приткнула его на вешалку – как был, с вывернутыми рукавами.

Гена Явкин не шел из головы. Ксения то видела, как он округляет водянисто-голубые глаза, то вспоминала рисунок его округлившись губ... То ощущала руку у себя на плече и впадала в то самое состояние оцепенения, которое испытала в фойе офиса. И это подкупающее: «Если понадобится помощь – обращайся».

Нет, она все-таки дура, если поверила что Геней Явкиным двигали какие-то высокие чувства. Ясно как божий день: Явкина вел тонкий расчет. Сочувствует он, как же. Как может безбилетный пассажир сочувствовать контролеру?

Джинсы и джемпер Ксения стягивала уже в ванной, попутно удивляясь, какой небезопасной, оказывается, была ее левая рука.

Наконец, влезла в халат и почувствовала себя совсем больной и несчастной.

Диван и плед следовало принять безотлагательно, а вафельный торт и зефир – потом.

Палец вел себя все отвратительней, ни плед, ни диван его не устраивали, все ему мешало.

Едва Ксения угнездилась и уложила руку, до слуха донесся еле различимый звонок мобильного.

Выразив вслух свое отношение к этому факту, Ксения сползла с дивана. Пока доплелась до прихожей, пока выудила из захоронки сумку и нашарила трубку, та уже смолкла.

Полистав пропущенные звонки, Ксения обнаружила только один недавний – Рассветова.

Этот не принятый вызов отозвался в сердце таким радостным трепетом, что даже боль прошла.

Радость была непродолжительной. Ксения вспомнила, что суббота – день их традиционных свиданий.

По субботам они с Никешей заезжали за продуктами и бутылкой вина, что-нибудь готовили на его холостяцкой кухне, смотрели какой-нибудь фильм и предавались любви.

Прихватив трубку, Ксения вернулась на диван.

Палец ныл, уже не стесняясь. По неизвестной причине Ксения вдруг загадала: если Рассветов перезвонит, значит, разрыв можно не считать разрывом, и они снова начнут встречаться. И отвезут повестку Холину...

Повторный звонок раздался уже через несколько минут, и Ксения с нетерпением нажала на кнопку приема.

– Привет, Солнышко, – проворковал Никеша, будто и не было никакой размолвки, – ты совсем не скучала за мной?

Тенор Никиты, чуть детские интонации и даже ошибка в речи показались Ксении такими родными, что она ответила:

– Я скучала по тебе.

Никеша предлагал мир, и душа Ксении с благодарностью приняла это предложение.

– А почему не звонила?

– Некогда было.

– А чем ты занималась? – Настроение у Никиты было игривым.

– Да, знаешь, – Ксения устроилась на диване и натянула плед, – развлекалась. Вот палец дала собаке прокусить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.